

НАУКА И ВЕРА В РЕЛИГИОЗНО-ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ПОИСКАХ Л. ШЕСТОВА И Н. БЕРДЯЕВА: PRO ET CONTRA

Ключевые слова: наука, вера, экзистенциализм, религиозный поиск, иррационализм, религиозная философия, русская философия, Шестов, Бердяев.

Проблемы анализа и интерпретации науки, соотношения науки и веры в рамках русского религиозного экзистенциализма конца XIX – начала XX вв. продолжают оставаться жизненными. Рациональность, как принцип формообразования жизненного мира человека, предполагает, что человек через определенную категориальную, смысловую сетку вступает во взаимоотношение с окружающим миром. При использовании науки в качестве основного инструмента собственного развития многообразие различных сторон жизнедеятельности сводится к установленным истинам научной рациональности [2; 3; 4]. В. С. Степин справедливо отмечает, что для науки характерным является то, что она выделяет «в человеческой деятельности только ее предметную структуру и все рассматривает сквозь призму этой структуры. Как царь Мидас из известной древней легенды – к чему бы он ни прикасался, все обращалось в золото – так и наука. К чему бы она ни прикоснулась – все для нее предмет, который живет, функционирует и развивается по объективным законам» [10, с. 22]. Утилитаризм и потребление становятся доминантами в постиндустриальном обществе, что приводит к пренебрежению другими, не менее важными, сторонами человеческой жизнедеятельности.

Вопрос о природе рациональности не только и не столько теоретичен, но и, прежде всего, жизненно-практичен [8], ибо мировосприятие человека включает в себя и мифологический, религиозный, философский, эстетический и другие аспекты, что приводит к необходимости исследования современной философией теоретических систем не только научного, но и религиозно-мистического характера. Символические аспекты миропонимания выявляют жизнотворческую силу философии, на что обращают особое внимание представители русского религиозного экзистенциализма, выступая против ее сведения только к научной стороне. Как отмечает Е. В. Бакеева, «Опора на веру в отечественном акте-поступке странным образом оказывается более рациональной... чем опора на знание в контексте рассудочного, просчитанного действия» [1, с. 47]. В начале XX в., соединяя философию веры с философией жизни, Лев Шестов приходит к утверждению

абсурда, Н. Бердяев писал, что «Лев Шестов был философом, который философствовал всем своим существом, для которого философия была не академической специальностью, а делом жизни и смерти» [6, с. 1]. Выступая против культа разума, он предлагает новый взгляд на соотношение веры и науки. Вера для Л. Шестова – это «практическое приятие» откровения, которое наступает после отчаяния, трагедии и страдания. Вера как экзистенциальный акт бытия возникает лишь когда человек ставит под сомнение достижения разума, когда отвергает «метафизические утешения» как нечто чужое. Только почувствовав «совершенную невозможность жить с разумом», человек впервые обретает веру. Л. Шестов занимался поисками веры всю жизнь, но, по мнению Н. Бердяева, так и смог ее выразить. Отказываясь заключать философию в рамки науки, Л. Шестов сравнивает их с врачом и священником: «Как между делом врача и делом священника нет ничего общего, такнет ничего общего между философией и наукой... они не тольконе помогают и не дополняют одна другую, как принято думать, – они всегда враждуют между собой» [11, с. 153]. Цитируя в работе «Власть ключей» Парменида, Л. Шестов пишет, что во всех науках доминируют мнения, «философия же дает истину». Л. Шестов делает выбор в пользу абсурда, веры, утверждая, что современная наука проповедует власть истин «в себе и ля себя». Вера открыта всему, наука же ищет общее, повторяющееся, знакомое, очевидное [12].

Научное познание мира, согласно Л. Шестову, это поиск повторяющихся элементов. Это критическое неприятие Л. Шестовым науки напоминает о философских поисках Ф. Достоевского, с характеристикой науки как бездушной силы которого он соглашается. Оба мыслителя опасаются, что наука может получить власть над человеком и мирозданием, исключив из системы познания творческие, духовные элементы. Определяя (вслед за Ф. Достоевским) науку как «равнодушную силу», Л. Шестов призывает подвергать ее суду нравственной совести человечества. Для представителей отечественного экзистенциализма важнейшей для познания человека и бытия является духовная составляющая. Согласно Н. Бердяеву, «Духовная жизнь есть наиреальнейшая жизнь» [7, с. 27]. Самоопределение изнутри – это суть свободы, то, что определено извне – подчинено необходимости. При всей многозначности понимания свободы [9], одним из основополагающих аспектов ее понимания заключается в том, что свобода есть способ проявления и творения личности. По Н. Бердяеву, «Свобода, – заложена в темной бездне, в ничто. Свобода предшествует миру, она вкоренена в изначальное ничто» [7, с. 112].

Наука – это познание необходимости, а философия – это познание, которое должно эту мировую необходимость преодолевать. Ибо философия есть творчество, а не послушание, и ее истоком является вера. Современная философия должна «воссоединиться с жизнью» [10, с. 33]. Н. Бердяев также отмечает, что «Должно сказать с полным сознанием и дерзновением, что границы мировой данности и повеления мировой необходимости необязательны для философии... задачей философии всегда был трансцензус, переход за грани, то философия никогда не была наукой и не могла быть научной» [5, с. 32]. Современная философия нуждается в преобразованиях, так как, прислуживая наукам, она лишается добра, красоты, слез – всего живого и существенного, из чего и вырастают лучшие философские идеи. Официальная философия жаждет быть наукой, считая это единственным путем для получения истины. Не принимая такую философию из-за ее нормативности, догматичности, Л. Шестов верит в достижение истины через познание «живого Бога». Н. Бердяев, выявляя сущность философии пишет, что «философия [как творчество] есть познавательный выход из мировой данности, прозрение, преодолевающее мировую необходимость» [5, с. 32].

Пропагандируя свободу и индивидуальность, отечественные религиозные экзистенциалисты (прежде всего Л. Шестов) пытались сопротивляться все более распространяющемуся догмату рационализма. Они верили в то, что философия не должна ориентироваться на «нормального», исключительно разумного человека, устремившегося к науке и пытающегося отрешиться от своих эмоций. Л. Шестов одним из первых осознал негативные интенции логицизирующих структур, их власть над духовным миром человека. В своих произведениях он часто понимал вопрос о существовании иные стремлений, возможностей для человека и для философии [13]. Пытаясь продемонстрировать, что «власти, на которую претендует разум, у него нет» [11, с. 401], Л. Шестов все настойчивее выступал против культа разума, отдавая предпочтение вере и акту воли. Творчество предполагает озарение и интуитивное «схватывание» бытия. Н. Бердяев считает, что там, «где кончается сфера рационального познания и логического понятия, применимого лишь к ограниченному природному миру, там начинается сфера символического познания и символа, применимого к миру божественному» [7, с. 160]. Истина сама себя несет, не нуждаясь в доказательствах, основаниях и обоснованиях. Для представителей отечественной религиозного экзистенциализма вопрос соотношения науки и веры оказывается решенным: свой выбор они делают в пользу «живой Веры», в пользу дерзновения, творчества и индивидуализма.

Библиографический список:

1. Бакеева Е. В. Апофатическое мышление как элемент новой рациональности // Вестник томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации. 2004, № 25 (Апрель). 90 с.
2. Бакеева Е. В. Онтологическая концепция истины в контексте постнеклассической научной рациональности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. Т. 4. № 1. С. 11–18.
3. Бакеева Е. В. Современная наука: рефлексивность и «локализация» // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14. № 4. С. 22–34.
4. Бряник Н. В. Понятие неклассической науки: толкование и временные рамки // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2011. № 11. С. 187–200.
5. Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: АСТ, 2007. 668 с.
6. Бердяев Н. А. Основная идея философии Шестова /Л. Шестов Умозрение и откровение. Париж: YMCA-PRESS, 1964. 850 с.
7. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 488 с.
8. Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 528 с.
9. Пырина М. В. Онтолого-правовые основания культурно-социальных смыслов свободы // Социальная онтология в структурах теоретического знания. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Ижевск. Издательство: Издательский дом «Удмуртский университет», 2014. С. 488-497.
10. Степин В. С. Эволюция этоса науки: от классической к постнеклассической // Этос науки. М.: Academia, 2008. С. 21-47.
11. Шестов Л. И. На весах Иова (Странствования по душам). Париж: Издательство «Современные записки», 1929. 375 с.
12. Vykova M. F. Lev Shestov: A Russian Existentialist Editor's Introduction // Russian studies in philosophy. 2017. 55(5), pp. 305-309.
13. Sineokaya J. V., Khokhlov A. M. Lev Shestov's philosophy of freedom // Studies in east European thought. 2016. 68 (2-3), pp. 213-227.